Диалог Аксиньи и разговор с бабой

как видно, или торопко шля, запыхалась и пахло от свежего наколотого льда то-ли ветром, то-ли далеким еле уловимым запахом свежего степного сена.
— Заждался, думал не придешь.
— Степана насилушки встроводила...
— То-ж заморозила, окаянная баба!
— Я, горячая, погрею. — распахнула отушенье полы дождевой шубы, ~~прижалась~~ обвилась вокруг Григория как хмель вокруг дуба.
— Чево кликал?
— Погоди, прими руки... Тут люди ходют.
— ~~Напились~~ С своими, никак, поругался?
— Ушел. Сутки вот у лишний... Маюсь как прибылая собака.
— Как-не то теперича? — Аксинья разняла обнимавшие Григория руки и зябко запахнула полы шубы. — Давай, Гриша, к плетню отойдем. Шо-ж не так-то посередь дороги. (разлетов курлыб)
Отошли. Григорий прислонился к промерзлому трещучему плетню стенки.
— Не знаешь, ушло к своим Наталья?
— Не знаю... Уйдет должно. А то будет тут жить?
Григорий просунул незябнущую руку Аксиньи себе в рукав сжимая пальцами узкую ее кисть спросил.
— Как-же будем?
— Я, милый, не знаю. Как ты, так и я.
— Бросишь Степана?
— Не сужу. Хуч зараз!
— Где-нибудь наймемся обое, будем жить.
— Хуч под скотину, я с тобой, Гриша... Лишь-бы с тобой!..
Постояли греясь общим теплом. Григорий не хотел уходить. Итти, стоя повернув голову на ветер, вдыхая ноздрями, не поднимая смиренных век. Аксинья уткнувшаяся лицом ему под мышку дышала таким родным пьянящим запахом его пота и на губах ее жадных порочно скрытая от глаз Григория дрожала радостная, налитая свалившимся счастьем улыбка.
— Завтра дойду до Мохова. Может и ево наймуть.
— Проговорил Григорий перехватывая в пальцах кисть Аксиньиной руки. Аксинья промолчала не поднимая головы. Улыбку с губ ее, как ветер смизал: в расширенных глазах загнанным зверьком таилась тоска и испуг. „Сказать или не сказать?" думала она вспомнив про свою беременность. „Надо сказать" — решила баба, но сейчас же дрогнув от испуга отогнала страшную мысль. Женским своим чутьем угадала, что не время об этом говорить, понятно, что потерять на век потерять Григория; и сомневаясь в том, от кого из двух зачала ворохнувшегося под сердцем ребенка, сжавшимся нутром, не сказала.